

Sergiy Posokhov

(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

<https://orcid.org/0000-0003-1390-0625>

e-mail: sposokhov@karazin.ua

Протоколы заседаний Совета Харьковского
университета 1860-х – начала 1880-х годов как
исторический источник

*Protocols of Meetings of the Kharkiv University Council from the 60–70–80s
of the 19th Century as a Historical Source*

*Protokoły posiedzeń Rady Uniwersytetu Charkowskiego
z lat sześćdziesiątych–osiemdziesiątych XIX w. jako źródło historyczne*

ABSTRACT

The reforming of the university system in the Russian Empire in the second half of the 19th century also affected the activity of the University Councils. The main documents that reflected the functioning of these institutions are the protocols of their meetings. This article analyzes the source potential of the surviving protocols of the Council of the

PUBLICATION INFO			
			e-ISSN: 2449-8467 ISSN: 2082-6060
THE AUTHOR'S ADDRESS: Sergiy Posokhov, the the of the Department of Historiography, Sources Studies and Archaeology of the V.N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Square, Kharkiv, 61022, Ukraine			
SOURCE OF FUNDING: Statutory Research of the of the Department of Historiography, Sources Studies and Archaeology of the V.N. Karazin Kharkiv National University			
SUBMITTED: 2023.01.25	ACCEPTED: 2023.02.27	PUBLISHED ONLINE: 2023.07.20	
WEBSITE OF THE JOURNAL: https://journals.umcs.pl/rh		EDITORIAL COMMITTEE E-mail: reshistorica@umcs.pl	

Imperial Kharkiv University. The research of this complex allows us not only to clarify the specific facts from the history of higher education in the Russian Empire in the second half of the XIX century, but also to review existing stereotypes in historiography, which concern the role of university councils in the transition from the „corporate” university to the „state” one.

Key words: university, Council, protocol, source, Kharkiv

АННОТАЦИЯ

Реформирование университетской системы Российской империи во второй половине XIX века затронуло также деятельность университетских советов. Основными документами, в которых нашло отражение функционирование этих институций, являются протоколы их заседаний. В данной статье был проанализирован источниковедческий потенциал сохранившихся протоколов Совета Императорского Харьковского университета. Анализ этого комплекса позволяет не только уточнить конкретные факты из истории высшего образования в Российской империи второй половины XIX века, но также пересмотреть существующие в историографии стереотипы, касающиеся роли университетских советов в условиях перехода от „корпоративного” университета к „государственному”.

Ключевые слова: университет, Совет, протокол, источник, Харьков

STRESZCZENIE

Kluczową rolę w funkcjonowaniu uniwersytetów w realiach carskiej Rosji odgrywały ich rady. W drugiej połowie XIX w. wprowadzane reformy w organizacji uniwersytetów dotyczyły również działalności tych instytucji będących symbolem ich autonomii. Najważniejszą dokumentacją, która pozostała po funkcjonowaniu rad uniwersyteckich, są ich protokoły posiedzeń. Na podstawie zachowanych protokołów Rady Cesarskiego Uniwersytetu Charkowskiego przeanalizowano tę dokumentację pod kątem ich przydatności do prowadzenia badań nad dziejami szkolnictwa wyższego w Rosji w ostatnich dekadach XIX stulecia.

Słowa kluczowe: uniwersytet, rada, protokół, źródło, Charków

ВВЕДЕНИЕ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ)

Из всей совокупности источников по истории университетов Российской империи чаще всего в центре внимания исследователей оказываются университетские уставы, министерские указы и постановления, то есть, преимущественно, документы, исходящие от центральных органов власти. Такой подход во многом связан с устоявшимися взглядами на систему управления университетами, которая представляется крайне централизованной.

В то же время протоколы заседаний совета университета используются для анализа редко, что связано с той же причиной

– историографическими стереотипами. Тезис об угнетенном положении совета университета прочно укоренился в историографии. Особенно такой взгляд был характерен для советской историографии. Для историков 1920-х – 1930-х годов совет дореволюционного университета выступал признаком „отжитого феодализма и буржуазного парламентаризма”¹, их характеризовали как „громоздкие организации с неопределенными и малоактуальными функциями”². Отмечалось, что „совет был игрушкой в руках реакционного ректора”³.

Оценки мало изменилась в научных работах второй половины XX в. Как аксиома в литературе повторялся тезис о том, что советы университетов имели очень ограниченные права. В частности, по мнению Регины Эймонтовой, университетский совет не только не занял руководящей роли в системе внутреннего управления университетом, но и не получил самостоятельности даже при решении вопросов, связанных исключительно с наукой и преподаванием⁴. Кроме того, постоянно подчеркивалось, что правительство осуществляло жесткий контроль за деятельностью советов. Общий вывод был неутешительным: „профессорским коллегиям предоставлялось окончательное решение только сравнительно второстепенных вопросов”, „по кардинальным вопросам... профессорские коллегии выступали как инстанции исполняющие, но не решающие”⁵. Такое заключение следовало даже в том случае, когда материал, казался бы, свидетельствовал об обратном. В частности, в книге, изданной к 150-летию юбилею Харьковского университета, было отмечено, что устав 1863 г. предоставил совету право избирать лиц на руководящие должности, руководить всей учебной и научной работой университета, распоряжаться финансами, решать вопросы специализации, состава кафедр, присуждения научных степеней без последующего утверждения попечителем или министром, создавать научные общества и т. д. При этом вывод был следующим: „Эти права несомненно создавали более благоприятные условия для развития университета и успешного выполнения учебных и научных функций. Однако не следует забывать, что при самодержавии подлинное самоуправление университетов не могло иметь места. Действительно, и в уставе 1863 г. содержались настолько значительные

¹ Я. Ряппо, *Реформа высшей школы на Украине в годы революции*, Харьков 1925, с. 7.

² Я. Ряппо, *Об управлении высшей школой*, „Путь просвещения” 1924, 4-5, с. 25.

³ *Одесский университет за 75 лет (1865–1940)*, ред. К.П. Добролюбский, Одесса 1940, с. 53.

⁴ Р.Г. Эймонтова, *Университетская реформа 1863 г.*, „Исторические записки” 1961, 70, с. 174.

⁵ А.Е. Иванов, *Высшая школа России в конце XIX – начале XX века*, Москва 1991, с. 235.

ограничения профессорской автономии, что университеты фактически оставались под контролем самодержавной власти”⁶.

Такая точка зрения на роль университетского совета оказалась очень устойчивой. И в 1990-е годы, и позже авторы продолжали утверждать, что даже во время действия „либерального” устава 1863 г. университетский совет не только не занял руководящей роли в системе внутреннего управления университетом, но и не получил самостоятельности даже при решении вопросов, связанных исключительно с наукой и преподаванием⁷. Типичными были выводы о том, что профессорские коллегии при решении кардинальных вопросов выступали только как инстанции исполняющие⁸, что реализовать свои права совет не всегда мог, поскольку его решения не были окончательными и должны были утверждаться попечителем и министром⁹. Подобные мнения легко обнаружить и в современной литературе.

Делая предварительный вывод, можно сказать, что взгляд на историю университетов в рамках политической истории (через призму дихотомии „либерализация/реакция”) не позволяет увидеть многие внутренние процессы университетской жизни. Другими словами, сегодня задача состоит не в том, чтобы показать роль самодержавия как „внешнего” фактора, определявшего специфику системы управления университетами Российской империи (эта задача в значительной степени уже решена), но выяснить, как была организована работа механизмов самоуправления университетов, как воспринимали эту систему сами университетарии, т. е. понять роль „внутренних” факторов изменения управленческих форм. Помочь разобраться с этими проблемами может изучение реального делопроизводства.

ИСТОЧНИКИ

В данном случае обратим внимание на период 1860-х – начала 1880-х годов, т. е. период действия так называемого „либерального”

⁶ Харьковський державний університет ім. А. М. Горького за 150 лет. 1805–1955, ред. С.М. Короливский, Харьков 1955, с. 65.

⁷ Р.Г. Эймонтова, *Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993, с. 190.

⁸ А.Е. Иванов, Ю.Д. Марголис, В.А. Рачковский, *Высшая школа России: вехи истории, „Высшее образование в России”* 1992, 1, с. 59.

⁹ Р.Г. Эймонтова, *Русские*, с. 190; *Київський університет імені Тараса Шевченка: сторінки історії і сьогодення*, ред. В.В. Скопенко, Київ 1994, с. 30; *Очерки истории Казанского университета*, ред. И.П. Ермолаев et al., Казань 2002, с. 78.

устава 1863 г., и воспользуемся опубликованными протоколами Совета Императорского Харьковского университета¹⁰. Предложение печатать протоколы заседаний совета было озвучено известным ученым и педагогом Н.И. Пироговым во время обсуждения проекта устава в начале 1860-х годов. Он считал, что таким образом можно будет избавить совет от «возможных недостатков при принятии решений», сделать этот процесс более осознанным, повысить ответственность профессоров. В частности, Н.И. Пирогов предлагал доводить до сведения попечителя учебного округа мнение меньшинства¹¹.

В период 1863–1874 гг. протоколы печатались отдельными брошюрами, которые затем сшивались вместе (в 1864–1865 гг. с отдельной пагинацией, в другие годы с общей). С 1874 г. протоколы публиковались в *Записках императорского Харьковского университета*, которые издавались с этого времени. Печатание протоколов продолжалось до 1882 года. *Извлечения из Протоколов заседаний Совета Харьковского университета* в середине 1860-х годов также печатались в „Журнале Министерства народного просвещения“. Попытка возобновить публикацию протоколов была сделана в начале XX в.¹², но продолжения не последовало.

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО ПРОТОКОЛЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Уже в Уставе 1804 г. было записано, что „5) Все решения должны быть вносимы немедленно в дневную записку и подписываемы присутствующими членами. 6) Остающийся при противном мнении приобщает оное за своим подписанием к дневной записке, после чего не отвечает уже за общее определение“ (§ 55). Секретарь Совета ежемесячно должен был доставлять попечителю учебного округа „копии с дневных записок, собранием утвержденных, за своим

¹⁰ К сожалению, университетский архив дореволюционного университета был уничтожен во время Второй мировой войны, соответственно, оригинальные документы не сохранились. Лишь некоторые протоколы в свое время были отправлены в Министерство народного просвещения и теперь хранятся в Российском государственном историческом архиве. Например: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv [dalej: RGIA], fond 733, opis 147, delo 247, k. 21–33.

¹¹ *Замечания на Проект Общего университетского устава императорских российских университетов*, часть 1, Санкт-Петербург 1862, s. 9.

¹² *Журнал заседаний Совета имп. Харьковского университета в среду 19 окт. 1905 г.*, „Записки имп. Харьковского университета“ 1906, 1, s. 1–24.

подписанием” (§ 71)¹³. К слову, секретарь Совета тогда избирался из ординарных профессоров (по Уставу 1835 г. секретаря Совет университета избирал из окончивших университетский курс студентов (§§ 97–98). Совет также имел в своем распоряжении четырех „канцелярских служителей”)¹⁴.

Как уже сказано, устав 1863 г. разрешил печатание протоколов. При этом было записано, что „Совет предоставляет свои протоколы попечителю, прилагая при этом особое заключение о том, в каком объеме протокол может быть напечатан, вполне или в извлечении. По делам, кои Устав представляет утверждению попечителя, Совет печатает свои протоколы не прежде, как после утверждения их” (§ 47)¹⁵. В этом уставе было отмечено, что „Канцелярия Университета состоит под управлением Секретаря Совета, из чиновников по штату и служащих по найму” (§ 60)¹⁶. В записке „По поводу нового университетского устава” (которая была своего рода приложением к уставу) было указано, что „Совет сделан средоточием внутреннего университетского управления, высшею его инстанциею, которой подчинены другие органы университетского управления” и „Для того, чтобы попечитель знал внутреннюю жизнь университета во всех подробностях, Совету вменено в обязанность немедленно предоставлять попечителю протоколы своих заседаний в подлиннике, для прочтения”¹⁷.

В соответствии с Уставом 1863 г. значительное число дел теперь передавалось на рассмотрение Совета университета, который состоял из всех ординарных и экстраординарных профессоров (в данный период времени таковых в Харькове было около тридцати, председателем Совета являлся ректор университета). Несомненно, немало времени в ходе заседаний Совета отводилось также на ознакомление с циркулярами Министерства народного просвещения и попечителя учебного округа. Важно отметить, что по делам, которые передавались на утверждение высшему начальству, обязательно указывалось мнение меньшинства членов Совета, если во время голосования не было единогласия по тому или иному решению¹⁸.

¹³ Устав Императорского Харьковского университета, „Периодическое сочинение об успехах народного просвещения” 1805, 10, с. 243, 249.

¹⁴ Общий устав императорских российских университетов, Харьков 1837, с. 24–25, 49.

¹⁵ Общий устав императорских российских университетов, Санкт Петербург 1863, с. 18.

¹⁶ *Ibidem*, с. 21.

¹⁷ *Ibidem*, с. 80–81.

¹⁸ *Ibidem*, с. 16.

Харьковский университет встретил устав 1863 г. с большим воодушевлением. В докладе ректора, напечатанном в начале 1864 г., отмечены „капитальные улучшения, касающиеся самых существенных сторон университетской жизни” и высказана уверенность, что, в связи с расширением прав Совета, „ученая коллегия станет живым органом”¹⁹. Уже на заседании Совета, состоявшемся после получения устава (29 июля 1863 г.), было определено: „Приступить немедленно, на основании § 42 устава, к составлению: 1) инструкции для действий проректора или инспектора; 2) правил: а) о порядке взимания, распределения и употребления суммы, собираемой за слушание лекций; б) о приеме студентов в университет; в) о допущении посторонних лиц к слушанию лекций и о взимании за сии лекции платы согласно примечаниям к § 105; г) об обязанностях учащихся и порядке в университете; д) о взысканиях за нарушение этих обязанностей и порядка; е) о делопроизводстве в университетском суде”²⁰.

Попечитель Карл Фойгт в своей конфиденциальной записке министру народного просвещения писал об этом так: „[Совет] деятельно занимается; члены одного совещаются еженедельно, иногда и по два раза; совещания идут спокойно и обдуманно... Профессора вполне проникнуты сознанием важности лежащей на них обязанности”²¹.

О том, насколько энергично работал Совет красноречиво свидетельствует количество его заседаний и общее количество рассмотренных дел. Хотя в Уставе 1863 г. было записано, что „Обыкновенные собрания Совета должны происходить непременно однажды в месяц, а чрезвычайные, – по мере надобности, или по желанию, заявленному не менее, как десятью членами Совета”, реально таковые происходили намного чаще. Так, в 1863–1864 учебном году состоялось 34 заседания, на которых был рассмотрен 541 вопрос („статья” как писали тогда), в 1864–1865 уч. году таких заседаний было 35, и на них рассмотрели 465 „статей”. Учитывая, что учебный год составлял 10 месяцев, ежемесячно обсуждалось, соответственно, около 50 вопросов. Только в начале года (в августе) было одно заседание в месяц, в остальные месяцы учебного года было от двух до пяти заседаний. Максимальное количество „статей” на одно заседание в указанные годы – 40 (18 декабря 1865 г.), а в среднем – 13–15 (преимущественно,

¹⁹ Цит. по: *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)*, опрас. Д.И. Багалея, Н.Ф. Сумцов, В.П. Бузескул, Харьков 1906, с. 175.

²⁰ *Протоколы заседания Совета императорского Харьковского университета (Протокол от 29 июля 1863 г.)*, Харьков 1864, с. 3.

²¹ Цит. по: *Краткий очерк*, с. 180.

более 20-ти). В ряде случаев сам протокол заседания составляет до 30 страниц печатного текста.

Постепенно в ходе заседаний возникали проблемы организационного характера, в частности необходимость регламентации работы Совета. Так, 7 марта 1867 г. обсуждался вопрос о правах ректора как председателя Совета. Тогда было решено, что он должен действовать на основе законоположений, существующих для других коллегиальных учреждений империи. По сути, тем самым начал формироваться регламент работы Совета университета: ректор должен был наблюдать, чтобы дела докладывались по установленному порядку; чтобы члены Совета могли предварительно ближе ознакомиться с подробностями дела и, если кто-то из них посчитает нужным, прочесть в Совете дело. Было отмечено, что ректор имеет одинаковые со всеми права, таким образом, ему не предоставлялось право обращаться с предложениями к начальству без согласования с Советом. Тогда же специальной комиссии было поручено „составить более подробные правила порядка рассмотрения и решения дел в заседаниях Совета“²².

16 апреля 1868 г. комиссия представила такой проект правил. Обратим внимание на некоторые пункты, которые имеют отношение к ведению протоколов. В частности, в правилах отмечено, что заседание начинается с чтения проекта журнала предшествующего заседания и его подписания; секретарь Совета начинает доклад дел в порядке, установленном ректором, который принимает при этом во внимание степень их важности²³; к докладу принимаются только те дела, которые поступили в Совет по крайней мере за день до заседания; предварительно можно ознакомиться с подробностями, прочитав дело в канцелярии университета. Достаточно подробно был регламентирован порядок фиксации „особого мнения“: принятое решение вносится в журнал; в случае разногласия членов Совета, указываются как члены, составившие большинство, так и те, которые остались в меньшинстве; член Совета имел право изложить свое мнение письменно, о чем должен был заявить во время заседания (такие письменные мнения должны были быть переданы ректору в течение семи дней после заседания, они вносились в журнал, если были изложены в сокращенной форме, либо просто присоединялись к журналу). Особые мнения, как и вообще любые мнения, „присоединяемые

²² Протокол заседания совета 7 марта, в: *Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1867 года*, т. 3, Харьков [b.d.w.], s. 54–57.

²³ Как правило, начинали с обсуждения предложений министра и попечителя, а заканчивали «представлениями» факультетов.

к журналу”, должны были быть прочитаны в следующем заседании Совета после оглашения проекта журнала, но до его подписания и т.д.²⁴ В правилах особое внимание акцентировалось на недопустимости использования во время заседаний Совета „неприличных выражений или оскорблений”²⁵. Каждая „статья” протокола должна была заканчиваться решением („определили...”).

ПРОТОКОЛЫ СОВЕТА: ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ

Таким образом, уже значительное количество заседаний и вопросов для рассмотрения свидетельствует о том, что Совет университета был перегружен делами. Какой же характер носили эти дела, насколько мелочными (несущественными) они были?

В циркулярном предложении министра народного просвещения к попечителю от 20 июля 1863 г., оглашенном на Совете университета 16 августа 1863 г., было указано, что составление разнообразных правил и инструкций самим университетом „было допущено с тою целью, чтобы правила сии, касающиеся внутренней жизни университетов, были по возможности более приспособлены к местным обстоятельствам и чтобы, по мере развития этой жизни и перемены обстоятельств, они легче могли изменяться без исполнения каждый раз всех формальностей, сопряженных с переменою постановления, утвержденного в законодательном порядке”²⁶. Собственно, как уже было указано, на первом же заседании Совета в июле 1863 г., после объявления о введении нового устава, было решено приступить к составлению инструкций и положений. Обязанность эта была возложена на ректора и деканов, а также „членов юридического факультета”²⁷. В последующем, как правило, для подготовки таких документов или определенного решения создавались особые комиссии из членов Совета.

²⁴ *Протокол заседания совета 16 апреля*, в: *Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1868 года*, т. 4, Харьков [b.d.w.], с. 136–139.

²⁵ Порой таковыми выступали довольно безобидные высказывания. Так в качестве оскорбительного было истолковано слово «водотолчение», которое произнес проф. И.П. Сокальский при обсуждении вопроса об избрании И.И. Срезневского почетным членом Харьковского университета (vide: *Протокол заседания совета 4 марта 1869 года*, в: *Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1869 года*, т. 4, Харьков 1869, с. 110–111).

²⁶ *Протокол заседания Совета 16 августа 1863 г.*, с. 5.

²⁷ *Ibidem*, с. 3.

В упомянутом „циркулярном предложении“ были сформулированы некоторые основные требования к составлению конкретных правил и инструкций, чему предшествовали такие слова: „нужно определить следующее“, „необходимо постановить“, „необходимо установить“, „нужны следующие постановления“, „должны заключаться следующие условия“²⁸. В целом, это были весьма лаконичные указания. Уже на заседании 20 августа того же года Совет Харьковского университета рассмотрел и одобрил шесть таких документов. В них есть в том числе пункты из министерского предписания, например, о том, что „студенты и посторонние слушатели считаются отдельными посетителями университета, а потому не дозволяется никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный“²⁹.

Наличие таких сходных позиций в положениях, разработанных советами разных университетов, породило саркастические замечания, опубликованные на страницах герценовского „Колокола“: „Давно нигде мы не встречали лицемерия гаже и отвратительнее, чем новые университетские постановления. Правительство хочет убить и просвещение, и молодежь. Все университетские, то есть профессорские советы, составляют разные положения – свобода да и только! И все эти положения сводятся на одно и то же, стало, был на то тайный приказ [курсив автора текста – С.П.]! Уж лучше бы просто приказывать, чем играть в такую жалкую игрушку шулерского лицемерия“³⁰. Однако ответом на это замечание могут выступать именно опубликованные протоколы. В них напечатаны и пункты «циркулярного предложения», и сами правила, которые, очевидно, потребовали немало сил от их разработчиков. Можно утверждать, что публикация протоколов, в том числе „особых мнений“, перевела работу Совета университета в публичное пространство, по крайней мере, во многом Совет утратил характер „закрытого совещания“. Публичный характер протоколов – основа их достоверности (по крайней мере, ни в периодической печати, ни в воспоминаниях нет каких-либо упоминаний о несоответствии позиции члена Совета информации о ней в протоколах).

Вместе с тем обратим внимание на то, что некоторые решения университетских советов становились предметом обсуждения в рамках всех российских университетов. В частности, к такого рода

²⁸ *Ibidem*, s. 6–9.

²⁹ *Ibidem*, s. 24.

³⁰ *Университетские постановления, „Колокол“ 1863, 175, w: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867, Лондон–Женева, выпуск 6, Москва 1963, s. 1442.*

вопросам относились те, которые были связаны с разделением факультетов на отделы, т. е. вопросы углубления специализации³¹.

В целом, характер обсуждаемых вопросов был весьма различен. Не перечисляя все возможные случаи, обратим внимание на основные тематические блоки. Выборочный анализ протоколов тех заседаний, на которых было рассмотрено наибольшее количество дел за 1863–1865³² свидетельствуют о том, что большая часть „статей” была связана с прошениями студентов и выпускников (об исключении из податного состояния, о выдаче дипломов, о перемещении на другой факультет, о переводе в другой университет и т.п.); кадровыми вопросами, касающимися преподавателей и сотрудников (выборы на должность и увольнение от должности, назначение пенсии и вознаграждения за труд, о замещении вакантных кафедр и т. п.); а также организационными вопросами (обсуждение проектов правил и постановлений, вопросов о собственности университета, о почетных членах, об организации публичных лекций, объявление конкурса на вакантные кафедры и т. п.). Такие вопросы занимают более $\frac{3}{4}$ обсуждаемых «статей».

Собственно учебные вопросы (распределение предметов и часов преподавания, назначение экзаменаторов, допуск к чтению лекций и т. п.), а также научные (одобрение диссертаций для публикации, командировки за границу с научной целью, отзывы о диссертациях и работах иностранцев, участвующих в конкурсе на должность и т. п.) относительно редко становились предметом обсуждения на Совете. Наличие в повестке дня „мелких” вопросов, которые в состоянии были решить чиновники правления университета и деканы факультетов, уже в конце 1870-х годов обусловили появление мнений о том, что центр университетской жизни надо перенести из Совета университета на факультеты³³. Некоторые критики Устава 1863 г. обращали внимание на некомпетентность Совета университета, особенно в научных вопросах³⁴. Такой взгляд найдет отражение в новом уставе 1884 г., когда права факультетских советов будут увеличены, а университетского – уменьшены.

³¹ Этот вопрос частично уже попал в поле зрения исследователей: В.И. Чесноков, *Движение за „разделение историко-филологического факультета” и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX в.*, в: *Российские университеты в XIX – начале XX века*, [вып. 1], Воронеж 1993, с. 70–88.

³² Заседания 15 октября 1863 г. (35 «статей»), 7 апреля 1864 г. (30 «статей»), 6 октября 1864 г. (34 «статей»), 31 мая 1865 г. (28 «статей»).

³³ В.И. Модестов, *Университетский вопрос*, „Наблюдатель” 1882, 2, с. 90.

³⁴ А.П. Вальтер, *Мнение об изменении университетского устава 1863 года*, „Русский вестник” 1873, 12, с. 843–844.

Впрочем, некоторые изменения начнутся уже в конце 1870-х годов и будут связаны с желанием центральной власти продолжить и усилить регламентацию деятельности университетских органов управления. Эти мероприятия встретили неприятие со стороны либеральной общественности. Даже бывший министр народного просвещения Александр Головнин высказал свое отрицательное мнение об этих попытках: „[...] нынешнее Министерство народного просвещения [...] преувеличивает централизованное управление и вводит в учебные заведения слишком большое однообразие. Сильная централизация и одноформенность могут быть нужны в армии... Но педагогика есть наука и для того, чтобы она могла идти вперед, деятели учебного ведомства должны пользоваться некоторою самостоятельностью. Если вследствие того и явится некоторое разнообразие, то неудобство искупится пользою. [...] Излишек централизации, однообразности и мелочность требований Министерства народного просвещения можно усмотреть из множества циркуляров, инструкций, предписаний, накопившихся в последние десять лет в управлениях попечителей учебных округов”³⁵.

ВЫВОД

Так что же являли собой протоколы заседаний Совета университета – форму контроля за университетской корпорацией или способ повысить ответственность университетских профессоров? На наш взгляд, не стоит ограничивать ответ только одной позицией. Также, например, можно говорить и о том, что протоколирование заседаний Совета было воспринято самими профессорами как возможность развить университетское самоуправление, как фактор самоорганизации и саморегулирования. Очевидно, что уже количество заседаний и спектр обсуждавшихся вопросов свидетельствует об интенсивной работе членов Совета университета. Регламентация стала сопутствующим моментом организации заседаний и ведения протоколов, при этом такая регламентация стимулировалась со стороны государства. Вполне понятно, что этот процесс можно увязать с утвердившимся в историографии тезисом о „бюрократизации университетской жизни”. Но насколько бюрократизацию университетов следует рассматривать как абсолютное зло? Полагаем, что и это явление нужно рассматривать с позиций историзма. В частности, на сегодняшний

³⁵ RGIA, fond 851, opis 1, delo 31, k. 1–2.

день получила широкое признание схема Питера Морава³⁶, который выделил три типа университета: доклассический, классический, пост-классический. Что касается второго типа, который обычно датируют XIX – первой третью XX вв., то его называют, среди прочего, „государственный“ (в отличие от „корпоративного“ доклассического, т. е. средневекового университета). Уже это название говорит о многом. Модерный („классический“) университет создавался с помощью государства, как государственная структура.

Возникновение сети университетов Российской империи датируется началом XIX в. Именно это обусловило наличие в системе управления многих черт старого „корпоративного“ университета. Однако постепенно роль государства в организации университетской жизни возрастала. Университеты Российской империи в этом плане принципиально не отличались от университетов Западной Европы, поскольку суть общих изменений в начале XIX в. заключалась именно в „переходе от корпорации к государственному учреждению, удовлетворявшему уже не узкие групповые, а широкие общественные интересы“³⁷. Конечно, сравнение „российского типа университета“ с другими свидетельствует о том, что государственное начало в этом случае играло особую роль. Тем не менее, процесс огосударствления и централизации стал проявлением дальнейшего развития университета как такового. Об этом, собственно, свидетельствуют и протоколы Совета императорского Харьковского университета.

REFERENCES (BIBLIOGRAFIA)

Archival sources (Źródła archiwalne)

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv [Российский государственный исторический архив]:

Fond 733, opis 147, delo 247.

Fond 851, opis 1, delo 31.

Printed sources (Źródła drukowane)

Obshchiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov, Khar'kov 1837 [Общий устав императорских российских университетов, Харьков 1837].

³⁶ P. Moraw, *Universitäten, Gelehrte und Gelehrsamkeit in Deutschland vor und um 1800*, w: *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert*, Basel 2001.

³⁷ А. Андреев, „Національна модель“ університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії, w: *Схід/Захід. Історико-культурологічний збірник*, випуск 7, *Університети та нації в Російській імперії*, Харків–Київ 2005, s. 78.

- Obshchiiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov*, Sankt Peterburg 1863 [Общий устав императорских российских университетов, Санкт-Петербург 1863].
- Protokol zasedaniya soveta 4 marta 1869 goda*, w: *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Khar'kovskogo Universiteta i prilozheniya k nim. 1869 goda*, nr 4, Khar'kov 1869 [Протокол заседания Совета 4 марта 1869 года, w: Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1869 года, nr 4, Харьков 1869].
- Protokol zasedaniya soveta 7 marta*, w: *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Khar'kovskogo Universiteta i prilozheniya k nim. 1867 goda*, nr 3, Khar'kov [b.d.w.] [Протокол заседания Совета 7 марта, w: Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1867 года, nr 3, Харьков [b.d.w.]].
- Protokol zasedaniya soveta 16 aprelya*, w: *Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Khar'kovskogo Universiteta i prilozheniya k nim. 1868 goda*, nr 4, Khar'kov [b.d.w.] [Протокол заседания Совета 16 апреля, w: Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского Университета и приложения к ним. 1868 года, nr 4, Харьков [b.d.w.]].
- Protokoly zasedaniya Soveta Imperatorskogokhar'kovskogo universiteta (Protokol ot 29 iyulya 1863 g.)*, Khar'kov 1864 [Протоколы заседания Совета императорского Харьковского университета (Протокол от 29 июля 1863 г.), Харьков 1864].
- Universitetskiye postanovleniya, „Kolokol“* 1863, 175, w: *Gazeta A.I. Gertsena i N.P. Ogareva. Vol'na russkaya tipografiya. 1857–1867, London–Zheneva*, vypusk 6, Moskva 1963 [Университетские постановления, „Колокол“ 1863, 175, w: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867, Лондон–Женева, выпуск 6, Москва 1963].
- Ustav Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, „Periodicheskoye sochineniye ob uspekakh narodnogo prosveshcheniya“* 1805, 10 [Устав Императорского Харьковского университета, „Периодическое сочинение об успехах народного просвещения“ 1805, 10].
- Zamechaniya na Proyekt Obshchego universitet-skogoustava imperatorskikh rossiyskikh universitetov, chast' 1*, Sankt Peterburg 1862 [Замечания на Проект Общего университетского устава императорских российских университетов, часть 1, Санкт-Петербург 1862].
- Zhurnal zasedaniy Soveta imp. Khar'kovskogo universiteta v sredu 19 okt. 1905 g., „Zapiski imp. Khar'kovskogo universiteta“* 1906, 1 [Журнал заседаний Совета имп. Харьковского университета в среду 19 окт. 1905 г., „Записки имп. Харьковского университета“ 1906, 1].

Press (Prasa)

- „Nablyudatel“ [„Наблюдатель“] 1882.
- „Russkiy vestnik“ [„Русский вестник“] 1873.

Studies (Opracowania)

- Andryeyev A., „Natsional'na model' univertsytets'koyi osvity: problemy vynyknennya tarozvytku v Zakhidniy Yevropi ta Rosiys'kiy imperiyi, w: *Skhid/Zakhid. Istoryko-kul'turolohichnyy zbirnyk*, vypusk 7, *Univertsytety ta natsiyi v Rosiys'kiy imperiyi*, Khar'kiv–Kyuyiv 2005 [Андреев А., „Национальна модель“ университетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії, w: *Схід/Захід. Історико-культурологічний збірник*, випуск 7, *Університети та нації в Російській імперії*, Харків–Київ 2005].
- Chesnokov V.I., *Dvizheniye za „razdeleniye istoriko-filologicheskogo fakul'teta“ i nachalo spetsializatsii universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v 50–70-kh godakh XIX v.*, w: *Rossiyskiye universitety v XIX – nachale KHKH veka*, [vyp. 1], Voronezh 1993 [Чесноков В.И., Движение за „разделение историко-филологического факультета“ и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX в., w: *Российские университеты в XIX – начале ХХХ века*, [вып. 1], Воронеж 1993].

- специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX в., w: *Российские университеты в XIX – начале XX века*, [вып. 1], Воронеж 1993].
- Eymontova R.G., *Russkiye universitety na putyakh reformy: shestidesyatyuye godu XIX veka*, Moskva 1993 [Эймонтова Р.Г., *Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993].
- Eymontova R.G., *Universitet-skaya reforma 1863 g.*, „Istoricheskiye zapiski” 1961, 70 [Эймонтова Р.Г., *Университетская реформа 1863 г.*, „Исторические записки” 1961, 70].
- Ivanov A.Ye., *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka*, Moskva 1991 [Иванов А.Е., *Высшая школа России в конце XIX – начале XX века*, Москва 1991].
- Ivanov A.Ye., Margolis Yu.D., Rachkovskiy V.A., *Vysshaya shkola Rossii: vekhi istorii*, „Vysheye obrazovaniye v Rossii” 1992, 1 [Иванов А.Е., Марголис Ю.Д., Рачковский В.А., *Высшая школа России: вехи истории*, „Высшее образование в России” 1992, 1].
- Khar'kovskiy gosudarstvennyy universitet im. A. M. Gor'kogo za 150 let. 1805–1955*, red. S.M. Korolivskiy, Khar'kov 1955 [Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. 1805–1955, red. С.М. Короливский, Харьков 1955].
- Kratkiy ocherk istorii Khar'kovskogo universiteta za pervyye sto let yego sushchestvovaniya (1805–1905)*, sost. D.I. Bagaley, N.F. Sumtsov, V.P. Buzeskul, Khar'kov 1906 [Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905), опрас. Д.И. Багалей, Н.Ф. Сумцов, В.П. Бузескул, Харьков 1906].
- Kyyiv's'kyu univertsytet imeni Tarasa Shevchenka: storinky istoriyi i s'ohodennya*, red. V.V. Skopenko, Kyyiv 1994 [Київський університет імені Тараса Шевченка: сторінки історії і сьогодення, red. В.В. Скопенко, Київ 1994].
- Ocherki istorii Kazanskogo universiteta*, red. I.P. Yermolayev et al., Kazan' 2002 [Очерки истории Казанского университета, red. И.П. Ермолаев et al., Казань 2002].
- Odesskiy universitet za 75 let (1865–1940)*, red. K.P. Dobrolyubskiy, Odessa 1940 [Одесский университет за 75 лет (1865–1940), red. К.П. Добролюбский, Одесса 1940].
- Moraw P., *Universitäten, Gelehrte und Gelehrsamkeit in Deutschland vor und um 1800*, w: *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert*, Basel 2001.
- Ryappo Ya., *Ob upravlenii vysshey shkolyu*, „Put' prosveshcheniya” 1924, 4–5 [Ряппо Я., *Об управлении высшей школой*, „Путь просвещения” 1924, 4–5].
- Ryappo Ya., *Reforma vysshey shkoly na Ukraine v gody revolyutsii*, Khar'kov 1925 [Ряппо Я., *Реформа высшей школы на Украине в годы революции*, Харьков 1925].

ABOUT THE AUTHOR

Sergiy Posokhov – doctor of history, professor. Director of the Department of Historiography, Sources Studies and Archaeology of the V.N. Karazin Kharkiv National University. Academic interests: history and historiography of universities, history of historical science, history of Kharkiv region, history of education and science. Author of 400 academic publications.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Посохов – доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Научные интересы: история и историография

университетов, историография, история Харьковского региона, история образования и науки. Автор около 400 научных публикаций.

NOTA O AUTORZE

Sergiy Posokhov – doktor historii, profesor. Dyrektor Katedry Historiografii, Studiów Źródłowych i Archeologii Charkowskiego Uniwersytetu Narodowego im. Wasyla Karazina. Zainteresowania naukowe: historia i historiografia uniwersytetów, historia nauki historycznej, historia regionu charkowskiego, historia oświaty i nauki. Autor 400 publikacji naukowych.